

— В тот же день состоялось общее собрание сотрудников станции, которым директор ИЗМИРАН представил их нового начальника, точнее, заведующего - доктора физико-математических наук, профессора Рунара Викторовича Гострема.

— Рунар Викторович возглавлял филиал Научно-исследовательского института физико-технических и радиотехнических измерений - НИИФТРИ в Иркутске, который он сам создал, можно сказать, на голом месте. По национальности он швед, жена у него американка, у них пятеро детей. Мы с ним одно время работали вместе в Вене в Международном комитете по атомной энергии. Мы, то есть дирекция ИЗМИРАН, хотим укрепить руководство Вашим коллективом, особенно научное, чтобы Вы могли решать здесь большие научные задачи, - сказал Мигулин.

— Затем выступил Гострем.

— Товарищи! Владимир Васильевич здесь всё уже сказал, так сказать. У нас будут большие задачи, большой коллектив. Я думаю, скоро здесь нас будет очень много. Сейчас здесь 20 человек, а будет 100 и даже 150. Мы будем работать вместе с Калининградским университетом, где я буду иметь кафедра. Надо будет хорошо потрудиться, так сказать. У нас будет много новая аппаратура. И даже свои корабли, не думайте. Надо использовать, что это самая западная точка Советского Союза. Давайте, будем работать!

— Затем, как обычно в случае приезда начальства из ИЗМИРАНа, сотрудникам предложили высказать свои пожелания, жалобы, предложения по организации труда и жилбыт-проблемам. Жаловались, как обычно, на плохую работу станционного транспорта, на плохое отопление, на нехватку инструментов и оборудования. Гострем пообещал, что все проблемы будут разрешены, и на этом собрание закончилось.

— Гостремиада началась.

Вечером у Тихомировых делились впечатлениями. Мне, Вале, Виталику Гострем понравился уже хотя бы тем, что в нём явно было что-то обещающее интересную жизнь, что-то новенькое. Остальные отнеслись к нему настороженнее: "Поживём, увидим".

Не заставило себя ждать и более близкое знакомство с ним. Профессор отнюдь не избегал личных контактов, в том числе и вне служебного времени, а скорее даже стремился к ним. Он поселился в нашем же, измирановском доме и как-то вечером заскочил по какому-то делу к Тихомировым, где наша компания собралась выпить по случайному поводу. Его пригласили к столу, он не отказался. Не отказался и от рюмки водки, и вообще держался запросто. Юмор у него был странноватый, а смех гогочущий. Освоившись с его присутствием, Валя не удержалась, чтобы не спросить:

- Рунар Викторович, говорят, Вы швед, а как у нас оказались, в России то есть?

Гострем охотно отвечал:

- О, да, я швед. Но родился в Финляндии, так сказать. Мой отец был коммунист, и потом я переехал в Советский Союз. Я учился в МГУ у Ландау. Потом был переводчик на войне. Потом читал лекции в Голландии, так сказать. У меня есть свой курс. И в других странах ещё работал, и в Европе, и в США. А в Иркутске я создал институт. Но там климат не подходит, так сказать, для жены. У меня жена - американка, её зовут Этель. И у нас пять детей: Анита, Ларс, Дженни, Мартин и Лаура. Анита уже работает, в Новосибирске. Ларс - студент, в Москве, другие - школьники. Скоро они приедут, так сказать.

- Рунар Викторович, а сфера Вашей научной деятельности какая? - любопытствовал я.

- О, я профессор радиофизики, так сказать. Радиоэлектроника. У меня есть книжка про туннельные диоды. Потом я занимался в Иркутске эталонами времени и частоты, так сказать. Я многим занимался.

Гострем ещё побалагурил, потом отозвал на несколько минут Стасика в коридор ("У

нас есть маленький разговор, так сказать"), затем распрощался и ушёл. После его ухода разговор опять завертелся вокруг его биографии.

— Чего он за границей-то делал?

— Чего-чего, не знаешь что ли - чего?

— Сведения собирал?

— Да уж, наверное.

— Как-то он смутно рассказывает, неясно.

— Ладно, узнаем ещё.

— Я уехал в Ленинград, чтобы окончательно рассчитаться с Университетом, оформить и забрать документы: справки об окончании аспирантуры, о сдаче кандидатского минимума, о выполнении диссертационной темы. Чтобы получить эти справки, несколько дней пришлось бегать с обходным листком, отмечая его в библиотеках, общежитии и других университетских подразделениях, где я мог быть что-нибудь должен. Кроме того, надо было сняться с учёта в профкоме и военкомате.

— На кафедре все радовались неожиданному благополучному разрешению проблемы с моим устройством на работу. Сам я был полон энтузиазма и с удовольствием рассказывал о Гостреме, не жалея красок. Облегчённо вздохнул, наверное, и Б.Е., которому я обо всём написал.

— Перед окончательным возвращением в Ладушкин я решил съездить в Москву, чтобы выступить со своей диссертационной работой в Институте физики Земли, назначенном ведущей организацией по моей диссертации. Отзыв от ИФЗ, действительно, писал Гульельми, чего я побаивался, но его замечания были несущественными, а оценка работы в целом - положительная. Выступил я вдохновенно, работу мою одобрили. С оппонентами - Ваньяном и Олем я уже встречался и отдал им на прочтение экземпляры диссертации. Оба к моей работе относились хорошо, и я мог не волноваться за общую оценку диссертации в их отзывах. Оставалось оформить автореферат, размножить и разослать его, и только через месяц после этого должна была состояться уже собственно защита диссертации (на заседании Учёного совета физического факультета ЛГУ).

В понедельник, 2-го февраля 1970 года я вышел на работу в должности штатного младшего научного сотрудника Ладушкинской комплексной магнитно-ионосферной станции ИЗМИРАН. Как выяснилось, оклад мне положили 120, а не 135 р., как было обещано, но Гострем сказал, что "это они там в ИЗМИРАНе, так сказать, не поняли. Это потом сделаем".

Я расположился в отдельном кабинете во 2-м, ближнем к заливу, наполовину пустовавшем здании, где обычно располагался и раньше в свои приезды в Ладушкин. Чем мне предстояло заниматься, было пока не ясно. Мои научные интересы, естественно, ещё не вышли за рамки моего диссертационного направления, и я с удовольствием продолжил бы его разработку и вширь, и вглубь. Но как это увязывалось с планами Гострема - следовало выяснить, и я обратился к нему. Гострем сказал, что всё это ещё определится, а сейчас главное - включиться в преподавательскую работу. Он хочет поговорить об этом отдельно и просит зайти к нему домой вечером, где мы подробно всё обсудим.

Аналогичное приглашение получил и Виталик Чмырёв, который к этому времени поступил в очную аспирантуру ИЗМИРАН (в конце 1969 года) и сотрудником КМИС фактически уже не являлся, хотя и жил по-прежнему в Ладушкине, теперь вместе с женой Наташей, закончившей университет и поступившей работать учительницей русского языка и литературы в детский санаторий. Виталик явно начал ориентироваться на то, чтобы перебраться в ИЗМИРАН, почти в столицу, но появление Гострема и моё зачисление в КМИС в определённой мере взбудоражили и его, вызвав колебания его настроения, поскольку вопрос о прописке даже в Академгородке, т.е. в Московской области, оставался открытым, и шансы прописаться были весьма проблематичны.

— После работы мы с Виталиком пришли к Гострему домой. Он сидел за письменным столом, заваленным бумагами.

— Я хочу, чтобы Вы работали в университете тоже, по совместительству, так сказать. Я там буду заведующий кафедрой экспериментальной физики. Но сейчас там этой кафедры ещё нет, надо создавать, так сказать. Когда Вы защитите диссертацию, я возьму Вас туда как доцент. Мы должны сами делать свои научные кадры, так сказать. Так было у меня в Иркутске и в Новосибирске, так сказать. Я буду читать лекции и мне надо ассистенты проводить практические занятия. Я буду читать свой курс как это делают за границей и у нас в московском физтехе. Общая физика не надо, только терять время, так сказать. Надо сразу по Ландау. Но студенты первого-второго курса ещё не знают высшая математика - тензорный анализ, там, векторное исчисление. Это надо им дать сразу. Поэтому я сначала читаю курс "тензорный анализ" и тогда они могут сразу изучать уравнения Максвелла и теоретическая механика, так сказать. Вы увидите, как это здорово!

— Он показал нам конспекты своих лекций по тензорному анализу, отметил, какие разделы нужно будет отрабатывать на первых практических занятиях: линейная алгебра, определители. На завтра Гострем предложил поехать с ним в университет. Занятия ещё не начались, шли зимние студенческие каникулы, но надо было познакомиться с обстановкой, с новыми университетскими коллегами.

(продолжение следует)